
ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Гр. А. К. ТОЛСТОГО

1851—1875 гг.

1856 г.

70 *).

1 января.

....Мы въ Севериновѣ съ Бобринскимъ, гдѣ мы ночуемъ у Арбузова, послѣ вечера въ честь Новаго года.

Наши больные превосходятъ число 800, и тифъ распространяется между населеніемъ...

71.

5 января.

Еще двое больныхъ: Скуратовъ и Бобринскій. Бобринскій крѣпился, крѣпился да и слегъ; вотъ онъ тутъ лежитъ за мной, и я его сейчасъ поилъ малиной...

Можетъ быть, такъ пройдетъ, а можетъ быть и тифъ—завтра узнаемъ.

72.

12 января.

....Я все еще въ Одессѣ изъ-за Бобринскаго, у котораго тифъ, также какъ у Ольхина, Скуратова, Головина, Арбузова и

*) См. выше: апр., 592.

Карпова; у Б... часто бредъ; прошлую ночь онъ послалъ за священникомъ... Онъ очень страдалъ...

73.

16 января, Одесса.

Бѣдному Б... очень плохо; его обливали холодной водой, что его немного привело въ себя...

Самыя утѣшительныя слова докторовъ: „надежда не потеряна“.

Какъ я подумалъ о тебѣ сегодня, когда неожиданный лучъ солнца освѣтилъ море—все это время туманы были невыносимые—ничего не было видно за 10 шаговъ. Я пошелъ къ морю; волны разбивались съ трескомъ и шумомъ и обдавали меня мелкимъ бѣлымъ и соленымъ дождемъ...

Я долго на нихъ смотрѣлъ, думая о тебѣ... Иныя волны были огромныя, онѣ какъ будто падали обратно на себя... точно водопадъ... а потомъ маленькія волны, кудрявыя, которыя подбѣгали, точно Андрейка—маленькими шажками... Время отъ времени видѣется англійскій пароходъ.

Недавно стоялъ одинъ въ портѣ; онъ привезъ нашихъ плѣнныхъ и взялъ своихъ.

Я навѣщалъ плѣнныхъ французовъ и встрѣчалъ ихъ иногда на улицахъ; я съ ними говорилъ и находилъ ихъ учтивыми и приличными, несмотря на то, что они были изъ простыхъ солдатъ. Что же касается до англичанъ, я не понимаю, что мы съ ними такъ церемонимся,—просто безпокойные грубияны, которыхъ я бы быстро привелъ въ порядокъ, если я былъ бы градоначальникъ.

Турки лучше англичанъ,—и англичане ихъ преслѣдуютъ; эти бѣдняки достали себѣ какую-то жестяную посуду, чтобы черпать воду... Когда англичанинъ встрѣчаетъ турка, онъ вырываетъ у него посуду и давить ее ногами.

74.

17 января.

Болѣе чѣмъ половина полка хвораетъ, *гораздо болѣе половины*. Только и слышишь про несчастныхъ больныхъ безъ ухода и умирающихъ по 20 за-разъ.

И къ тому же еще прибавляются слухи о мирѣ, къ счастью неофициальныя, но всё возмущены этими слухами. Миръ теперь былъ бы большимъ несчастіемъ для всѣхъ, если это будетъ не въ такой формѣ, какъ говорятъ; всякій бы готовъ жертвовать *всѣмъ*, чтобы только продолжать войну.

Тѣ, которые думаютъ иначе, если они существуютъ—исключенія.

Я сегодня узналъ, что въ строю у насъ теперь 1.500 солдатъ—изъ 3.200, которыхъ мы имѣли при выступленіи.

Администрація отвратительна, возмутительный беспорядокъ. Меня назначили командовать чѣмъ-то въ родѣ образцовой роты, которая должна поставлять стрѣлковыхъ начальниковъ во всѣ полки—эта рота стоитъ верстъ за 40 отъ Одессы, на половину ближе, чѣмъ Катаржи. Я ничего не имѣю противъ этого, но мнѣ бы хотѣлось остаться еще нѣсколько дней здѣсь, чтобы знать, останется ли у меня Бобринскій, или умретъ.

75.

18 января.

Есть лучъ надежды для Боб... онъ чаще приходитъ въ себя...

76.

19 января.

Много говорятъ о мирѣ, но ничего нѣтъ официальнаго; большое было бы несчастье этотъ миръ.

77.

Одесса, 21 января.

Боб... намъ даетъ много надежды, хотя опасность не миновала! Въ полку плохо идетъ—больные прибавляются... Толкуютъ о переговорахъ насчетъ перемирія.

78.

31 января.

....Мнѣ тяжело говорить о нашихъ страданіяхъ; въ общемъ я тебѣ скажу, что у насъ 28 офиц. больны тифомъ. Одинъ изъ нихъ, котораго ты не знаешь, умеръ, двое умираютъ, одинъ изъ нихъ выздоравливаетъ. Жемчужникову лучше; Бобринскій совсѣмъ поправляется...

79.

1 февраля.

Иногда у меня бываютъ прозрѣнія безконечнаго счастья, котораго я не сумѣлъ бы назвать, ни опредѣлить, ни дать ему ни цвѣта, ни формы... что-то въ родѣ воспоминаній—или прозрѣній; но эти рѣдкія явленія приходятъ и исчезаютъ какъ молнія. Иногда же мысль о смерти представляется мнѣ какъ долго ожидаемое

и желаемое разрѣшеніе долгаго диссонанса... и кажется, что будто въ смерти найдется совершенное и полное счастье...

....Здѣсь есть барышня Дараганъ; ея отецъ и мать, всѣ трое восторгаются моими стихами, напечатанными въ „Современникъ“— „Колокольчики“ и т. д.

Не бойся, мнѣ это не вскружить голову—я не тщеславенъ... Мы устраиваемъ нашу больницу на 400 человѣкъ, и мнѣ ее поручать.

80.

Депеша.

Подано въ Одесѣ... 3 марта 1856 г. 12 ч. 45 м. пополд.

Получено въ Петербургѣ 3 марта 1856 г. 1 ч. 46 м. поплд.

Его Императорскому Величеству

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Болѣзнь графа Толстого началась припадками тифондальной горячки, которые наконецъ достигли самой высокой степени.—Но со вчерашняго вечера болѣзнь значительно измѣнилась къ лучшему; прошедшая ночь была покойнѣе всѣхъ предшествовавшихъ, и больной подаетъ надежду на выздоровленіе.

81.

Депеша.

Подано въ Одесѣ 4 марта 1856 г. 12 ч. 54 м. пополд.

Получено въ Петербургѣ 4 марта 1856 г. 1 ч. 38 м. поплд.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Улучшеніе состоянія болѣзни стрѣлковаго полка Императорской фамиліи майора графа Толстого продолжается; онъ въ полномъ сознаніи. Ночью показался благодѣтельный потъ, послѣ чего больной спалъ спокойно. Вообще степень болѣзни значительно уменьшилась. У больного проявляется даже аппетитъ.

82.

Депеша.

Подано въ Одесѣ 5 марта 1856 г. 2 ч. 4 м. пополудни.

Получено въ Петербургѣ 5 марта 1856 г. 3 ч. 24 м. пополд.

Его Императорскому Величеству.

Майоръ графъ Толстой провелъ вчерашній день и ночь спокойно; ночью у него вновь была испарина, обозначающая рѣши-

тельный переломъ, и состояніе его улучшилось противъ вчерашняго. Флигель-адъютантъ Арбузовъ.

83.

ДЕПЕША.

Подано въ Одессѣ 6 марта 1856 г. 2 ч. 3 м. пополудни.
Получено въ Петербургѣ 6 марта 1856 г. 4 ч. пополудни.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Вчерашній день и нынѣшнюю ночь состояніе здоровья графа Толстого было весьма удовлетворительно.

Сегодня утромъ нѣтъ ничего лихорадочнаго; началось настоящее выздоровленіе.

84.

ДЕПЕША.

Подано въ Одессѣ 8 марта 1856 г. 12 ч. 20 м. пополд.
Получено въ Зимн. дворцѣ 8 марта 1856 г. 1 ч. 45 м. пополд.

Государю Императору

Отъ флигель-адъютанта Арбузова.

Болѣзнь графа Толстого совершенно прошла; остается одна слабость, уменьшающаяся съ каждымъ днемъ.

„Слава Богу! теперь полагаю излишнимъ доносить ежедневно и довольствоваться еженедѣльно по одному разу“.

(Собственноручная помятка Императора Александра II.)

85.

Москва, 26 августа.

...Все для меня кончено, мой другъ, сегодня моя судьба рѣшилась; сегодня—день коронаціи... Въ этой общей тьмѣ, одна мысль является передо мной лучомъ свѣта; можетъ быть, я съумѣю изъ этой ночи, въ которой всѣ должны ходить съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами, вывести на Божій свѣтъ какую-нибудь правду, идя на проломъ и съ мыслью, что *панъ или пропанъ!*

Но если положительно я увижу, что въ будущемъ я ничего не могу сдѣлать,—миѣ кажется, будетъ грѣшно передъ самимъ собой продолжать жизнь въ направленіи діаметрально противномъ своей природѣ, и тогда, вернувшись къ собственной жизни,

я начну въ 40 лѣтъ то, чтѣ я долженъ былъ начать въ 20 лѣтъ, т.-е. жить по влеченію своей природы...

Я знаю, что можетъ быть полезно даже ради истины лавировать и выжидать, но я не доволенъ ловокъ для этого: всякій долженъ лишь дѣйствовать по своимъ дарованіямъ, какъ говоритъ Deerslayer; въ моихъ дарованіяхъ я чувствую только одну возможность дѣйствовать—*идти прямо къ цѣли*. Чѣмъ скорѣе я пойму возможность или невозможность мнѣ быть полезнымъ, тѣмъ будетъ лучше.

Что я грустенъ, болѣе чѣмъ когда-либо, нечего тебѣ и говорить!..

86.

7 сентября, Москва, 1856.

...Я былъ сегодня утромъ у Хомякова, у котораго я напелъ Константина Аксакова,—достойный человекъ, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ,—и былъ еще тамъ маленькій Поповъ¹⁾; говорятъ, что онъ славянофилъ.

Ты не можешь себѣ вообразить, какъ мое самолюбіе было польщено всѣмъ тѣмъ, чтѣ они мнѣ сказали насчетъ моихъ стихотвореній... Хомяковъ мнѣ сказалъ, что онъ, прочитавъ *Спѣсь* и *Колоколъ*, хотѣлъ мнѣ написать письмо,—и они прибавили: „ваши стихи такіе самородные, въ нихъ такое отсутствіе всякаго подражанія и такая сила и правда, что еслибы вы не подписали ихъ, мы бы приняли ихъ за старинные народныя“.

Эти слова для меня—самая лучшая хвала, которую я могъ бы пожелать, и они не эти только два стихотворенія хвалили.

Аксаковъ, увидавъ меня, бросился мнѣ на шею.

Вообще меня гораздо больше знаютъ въ Москвѣ, чѣмъ ты думаешь, и люди, которыхъ я очень мало знаю и даже совсѣмъ не знаю, спрашивали меня:

„Вы ли тотъ, который написалъ то или другое стихотвореніе“?

Какъ объяснить потребность писать, которая мною овладѣваетъ, именно, когда мнѣ всего меньше времени и возможности писать?

...Все, чтѣ я чувствую, все, чтѣ я думаю—я все выражаю въ стихахъЕсли успѣю, напишу завтра нѣсколько словъ—я выхожу изъ дому въ 8 утра, потомъ опять въ 12 ч. Завтра

¹⁾ Александръ Николаевичъ Поповъ, принадлежавшій къ славянофильскому кружку, магистръ московскаго университета и авторъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій; умеръ въ концѣ 70-хъ годовъ.

народный праздникъ, чрезвычайно серьезное дѣло — я поговорю о немъ съ тобой въ будущей разѣ...

87.

8 сентября.

Вотъ чтò я хотѣлъ тебѣ сказать про народный праздникъ: не думай, что это имѣеть какую-нибудь важность по отношенію къ освобожденію...

Важность состоитъ въ томъ, что Государь и Его подданные будутъ имѣть случай оцѣнить другъ друга въ этотъ день, — и если устройство будетъ сдѣлано неумѣло, то оцѣнка можетъ быть невѣрная съ обѣихъ сторонъ...

Я отъ всего сердца желаю, чтобы все произошло прилично, спокойно и порядочно; но если будетъ иначе — не народъ будетъ виновать, а конечно администрація и полиція...

88.

11 сентября 1856.

.... Я чувствую, что твои слова справедливы; ты убѣждаешь меня не унывать и продолжать прикладывать всѣ старанія, и я это сдѣлаю, пока будетъ силъ; я уже дѣлаю — или, лучше сказать, продолжаю дѣлать все возможное, чтобы доводить правду — до кого слѣдуетъ.

Случаи не часто встрѣчаются, но я пользуюсь малѣйшимъ случаемъ и ловлю его за волосы, даже, пожалуй, вытягиваю за волосы!

89.

Москва, 13 сентября.

.... Мало надежды, чтобы я могъ пріѣхать къ тебѣ въ эту осень.

Государь не ѣдетъ въ Кіевъ. Онъ скоро возвращается въ Петербургъ, гдѣ опять будетъ торжественный въездъ и повтореніе почти что всѣхъ московскихъ празднествъ.

Говорять, это начнется 4 октября, а Государь уѣзжаетъ 20 или 21...

.... Я вернусь къ тебѣ какъ на родину... Это мое настоящее чувство около тебя, и мнѣ необходимо это чувство, чтобы не зарастить (общимъ духомъ). Впрочемъ, не бойся, не хочу стращать тебя, я не заражусь, а все же надо отдохнуть и подышать съ тобой роднымъ воздухомъ, родными мыслями. А про стихи все ты ни одного слова не говоришь, — стало быть, они тебѣ не нравятся?

Хомяковъ три раза ко мнѣ пріѣзжалъ, чтобы я далъ ихъ

въ „Русскую Бесѣду“, и говорить, что у меня не только русская форма, но и русскій ходъ мысли...

90.

Петербургъ, 1 октября.

....Я хочу заняться безъ тебя *моимъ искусствомъ* — меня къ нему влечетъ, какъ никогда... На желѣзной дорогѣ я много поправлялъ „the Assyrian“, и я перевелъ „Sun of the Sleepless“.

Мнѣ хочется посмотреть, лучше или хуже моего переводъ Фета.

Не знаю, займусь ли я опять Серебрянымъ... но очень хочется...

....Помоги мнѣ жить въ мундировъ и парадовъ.

Что касается до серьезной цѣли, которую я себѣ поставилъ, я никогда не потеряю ее изъ вида, и мысль о ней можетъ одна меня помирить съ временнымъ моимъ положеніемъ, въ которомъ все противорѣчитъ моей натурѣ...

Но въ моей личной жизни я хочу жить *искусствомъ* и во имя *искусства*. — Моя натура возмущается при одной мысли, что ее хотять вытолкнуть на другую дорогу...

91.

9 октября.

...Я не знаю отчего, но у меня неодолимое желаніе писать, — я начинаю 4 — 5 вещей, всякій день... Чѣмъ больше пишу, тѣмъ болѣе пишется...

Протестъ противъ моего общественнаго положенія.

Панаевъ меня просилъ дать ему нѣсколько стихотвореній...

92.

Петербургъ, 5 октября.

....Я слишкомъ поспѣшилъ, посылая тебѣ *Вѣтку Акаціи*; и ее совсѣмъ передѣлалъ и посылаю ее теперь въ новомъ видѣ... Я увѣренъ, что ты нашла много нехорошаго, и именно это нехорошее я исправилъ — и я буду очень доволенъ, если я тебя угадалъ и опередилъ... Посылаю тебѣ еще маленькую вещицу — шутку, которая не для печати, но которая выражаетъ мою всегдашнюю мысль. Я ее написалъ сегодня утромъ и вѣроятно до почтоваго дня у меня будетъ еще что-нибудь... Я тебѣ все посылаю, какъ есть, но могу все передѣлать, если нужно...

....Я хотѣлъ бы воспользоваться тѣмъ, что такъ пишется теперь, чтобы написать что-нибудь хорошее... Поддержи меня, и

у меня удвоится энергія... Ты логична — съ тобой можно разсуждать и спорить обо всемъ, кромѣ Шекспира, о которомъ ты не хочешь разсуждать, а только подтверждаешь...

93.

6 октября.

....Знаешь, — хотя это пріятно и хорошо, но мнѣ часто мѣшаетъ легкость, съ которой мнѣ дается стихотворство; когда я что-нибудь пишу, у меня всегда складываются 3—4 редакціи той же мысли, той же картины, и мнѣ нужно было бы *свожее ухо*, чтобы выбрать одну изъ редакцій той же самой вещи, — и чѣмъ больше мнѣ нравится мысль или картина, тѣмъ болѣе я ее мѣняю и исправляю, такъ что иногда *теряю чутье сужденія*.

Сегодня съ утра я уже перемѣнялъ и измѣнялъ *Вятку Акаціи* такъ много, что я уже не знаю, чтѣ надо оставить и чтѣ надо выбросить изъ разныхъ варіацій, которыя я написалъ; когда листъ бумаги исписанъ и весь перечеркнутъ, я переписываю заново, начисто, и черезъ нѣсколько времени новый листъ такъ же перемаранъ и перечеркнутъ, какъ первый...

....У меня есть еще нѣсколько вещей, относящихся къ Крыму, которыя я началъ во время нашего путешествія. Однѣ хорошія, другія слабыя, но онѣ все добавляють цѣльность картины, и оттого я не рѣшаюсь ихъ уничтожить...

Я уже легъ — было и читалъ спокойно повѣсть Тургенева, но мнѣ опять захотѣлось тебѣ писать... Я ощущаю такую потребность говорить съ тобой о искусствѣ, о поэзій, подѣлиться съ тобой всеми моими мыслями и теоріями о искусствѣ, которыя движутся въ моемъ воображеніи.

Все это я чувствую ясно, но не умѣю ясно выразить; знаешь, чтѣ я тебѣ говорилъ про стихи, витающіе въ воздухѣ, и что достаточно ихъ ухватить за одинъ волосъ, чтобы привлечь ихъ изъ первобытнаго міра въ нашъ міръ... Мнѣ кажется, это также относится къ музыкѣ, къ скульптурѣ, къ живописи.

....Я думаю, что часто, ухватившись за волосъ одного изъ первобытныхъ произведеній, мы такъ неловко его тянемъ, что у насъ остается въ рукахъ лишь разорванное или изуродованное произведеніе, и что мы продолжаемъ тянуть, тянуть къ себѣ кусокъ за кускомъ, отрывокъ за отрывкомъ, и потомъ мы стараемся все это вмѣстѣ склеить и дополняемъ сами, *изъ своего воображенія*, то, чего недостаетъ; мы замазываемъ то, чтѣ мы сами испортили нашей неловкостью, неумѣлостью, и изъ этого

происходить всѣ наши недостатки, наша нерѣшительность, которые такъ возмущаютъ артистическій инстинктъ...

Тургеневъ написалъ повѣсть, которую я тебѣ пришло, и задача которой мнѣ кажется легче исполненія; говорится въ ней о женщинѣ 28 лѣтъ, богато одаренной природой, но которая черезъ свое воспитаніе жила всегда далеко отъ всякаго художественнаго занятія и всякаго чтенія, возбуждающаго воображеніе, и которой въ 28 лѣтъ, читаютъ въ первый разъ „Фауста“, о которомъ она никогда ничего не слыхала и никакого понятія не имѣла, также какъ и о Гёте.

....Я не знаю еще, чѣмъ это кончится, но развитіе ея врожденныхъ артистическихъ чувствъ, которыя вдругъ просыпаются, довольно слабо описано...

Повѣсть Тургенева... въ родѣ его апельсина въ *Трехъ встрѣчахъ*.

Ты не знаешь, какъ хорошо я себя чувствую, какъ хорошо любится и разные вещи пишутся.

Я началъ одну вещь, въ которой я говорилъ объ образахъ, витающихъ въ воздухѣ...

Очень странно развивать теорію въ стихахъ, но я думаю, что это мнѣ удастся.

Такъ какъ этотъ сюжетъ требуетъ много анализа, я выбралъ гекзаметръ—самые легкіе стихи... а вмѣстѣ съ тѣмъ это стихотвореніе даетъ мнѣ много труда,—такъ легко впасть въ педантизмъ.

Неужто я себя чувствую больше поэтомъ и художникомъ съ тѣхъ поръ, какъ я ношу платье анти-художественное и анти-поэтическое?

94.

10 октября.

Я хочу тебѣ сдѣлать маленькое удовольствіе: я досталъ великолѣпныя фотографіи Толедо, Венеціи, Бургоса и Гренады; ты найдешь ихъ въ рамкахъ на твоихъ стѣнахъ, и, разсматривая въ лупу, ты можешь разобрать: кирпичъ, мохъ, собакъ и испанскихъ мухъ...

95.

Царское-Село, 11 октября.

Какъ я тебѣ буду часто читать свои вещи и заставлять тебя говорить о нихъ... И мнѣ хочется тебя познакомить съ старымъ евреемъ-раввиномъ; онъ крещенъ и занимается трансцендентальными науками; зовутъ его *Левисонъ*; я съ нимъ познакомился на желѣзной дорогѣ,—человѣкъ очень интересный, и съ которымъ намъ можно будетъ говорить объ Элифасѣ Леви.

Я окончилъ дидактическое стихотвореніе; я тебѣ его пришлю; я не знаю, удалось ли мнѣ оно, но для любопытства я тебѣ пришлю черновые листы—они такъ перечеркнуты и перемараны, что ты ничего не поймешь въ нихъ, но мнѣ хочется, чтобы ты была посвящена и принимала бы участіе во всѣхъ тайнахъ моей мастерской.

96.

14 октября.

...Я читалъ М. мои послѣднія вещи; онъ не любитъ *Вятку Акаци*, но онъ очень восхищался *Всемильной волею Аллаха* и тоже переводомъ изъ *Байрона, Ассиряне или*; другой переводъ ему не нравится, и мнѣ также, да и оригиналь мнѣ не очень нравится...

Я переболненъ поэзіей болѣе, чѣмъ когда-либо, на зло *мундиру*, и я тебѣ сейчасъ пишу мою новую вещь, что мнѣ будетъ очень скучно, такъ какъ это будетъ въ 50-й разъ...

М. былъ у меня, и мы вмѣстѣ переписали *Крымскіе очерки*, которые онъ завтра долженъ отнести Панаеву.

97.

Гатчино, 6 октября.

...Я здѣсь съ вечера и на два дня, если не на больше. Государь и Государыня и 30 или 35 дамъ и мужчинъ прѣехали сюда и меня пригласили...

Завтра будутъ охотиться въ паркѣ; я, кажется, тебѣ рассказывалъ, что это за охоты.

Императрица была очень добра ко мнѣ; она со мной разговаривала цѣлый вечеръ, и пригласила меня ужинать за ея столъ; остальные играли въ разныя игры...

...Да хранить Господь Императрицу! Она все дѣлаетъ, что ей позволяеть ея добрый и мягкій характеръ.

Это женщина, которую я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ.

Я говорю и повторяю это во всеуслышаніе, и я не боюсь прослыть за льстеца; я нахожу, что ее не умѣютъ цѣнить достаточно.

Я перечелъ то, что тебѣ написалъ, и нѣкоторыя вещи зачеркнулъ, потому что я тебѣ писалъ подъ впечатлѣніемъ унынія; ты найдешь, что я непослѣдователенъ, но мое расположеніе духа измѣнилось къ лучшему, потому что я сегодня вечеромъ нашель случай сказать Государю одну вещь, которую необходимо было ему знать, и которую безъ меня онъ не узналъ бы.

Когда это мнѣ случается, я оживаю!..

Моя натура такая впечатлительная, что она сохраняетъ долго отпечатокъ; хорошее или дурное—оно остается на мнѣ долго послѣ минуты впечатлѣнія.

Не могу не вернуться къ Императрицѣ и не сказать, что я удивляюсь и люблю ее. Откуда она, я не понимаю, можетъ въ своемъ положеніи почерпнуть такія ясныя и широкія мысли въ полномъ смыслѣ этихъ словъ?

Я вижу, какъ она всегда старается смотрѣть и увидѣть насколько можно дальше черезъ стѣну, которая ее окружаетъ; и потому у нея большое благородство и великодушіе въ сужденіяхъ, которыя ее заставляютъ смотрѣть очень безпристрастно на вопросы, противъ которыхъ вообще имѣются предвзятые сужденія.

Да хранить ее Господь! повторяю я это отъ всего сердца, всякій разъ, какъ я ее вижу...

98.

Петербургъ, 19 октября.

...Я навязалъ на душу m-ше Д. О. Т—вой дѣло Р... Она—добрый человѣкъ, и мы съ ней очень симпатизируемъ; на вечерахъ въ Гатчинѣ мы большею частью проводили время вмѣстѣ; она очень торжествуетъ, что я—флигель-адъютантъ Государя... Была бы только причина торжествовать.

Она увѣряетъ, что у меня много общаго съ Абсаковымъ.

Находишь ли ты это?

Мнѣ кажется, что Императрица говорила съ Виземскимъ о моемъ романѣ; она со мной о немъ говорила съ настоящимъ интересомъ. Я просилъ Д. О. Т—ву дать мнѣ возможность прочесть нѣсколько стихотвореній Императрицѣ. Я хочу какъ можно болѣе и съ самаго начала поставить себя въ положеніе *художника* или человѣка *анти-практичнаго*...

Есть нѣкоторыя комиссіи и слѣдствія, которыя я бы съ счастьемъ исполнилъ, если бы Государь захотѣлъ мнѣ ихъ довѣрить... И я сказать это Д. О. Т—вой. Такія дѣла, въ которыхъ не требуются особенныя знанія спеціальныя, но въ которыхъ нельзя допускать никакихъ снисхожденій къ высокопоставленнымъ лицамъ...

И есть теперь такіе случаи...

99.

25 октября, 1856.

Мой другъ!—пойми все, что заключается въ этомъ словѣ. День пришелъ, въ который мнѣ необходима твоя помощь, *чтобы мочь жить*.

Ты знаешь, какъ моя жизнь всегда была искривлена,—и теперь болѣе жестокимъ образомъ, чѣмъ когда-либо, самымъ болынымъ способомъ для меня...

Государь, не посовѣтовавшись со мной, хочу ли я этого и *моу ми я*, объявилъ мнѣ сегодня, что онъ мнѣ предписываетъ служебныя занятія, самыя антипатичныя для меня, и къ которымъ я совсѣмъ неспособенъ... дѣло идетъ о сектантахъ! Какъ я ни протестовалъ и ни выражалъ ему, въ самыхъ ясныхъ словахъ, что я не *чиновникъ*, а поэтъ,—ничего не помогло!..

100.

Парское-Село, 25 октября.

...Какую ты огромную перемену увидишь во мнѣ... Я и сильнѣе, и слабѣе, чѣмъ былъ... Сильнѣе потому, что я чувствую, что искусство пробуждается во мнѣ со всею силою и мощностью: поэзія постоянно звучитъ въ моихъ ушахъ... точно приближающійся величавый сильный громъ все ближе и ближе; а проза со всей своей глупостью душитъ меня въ своихъ полипообразныхъ объятіяхъ...

Императрица—ангелъ; когда вы обѣ умрете, вы обѣ вмѣстѣ должны идти—не иначе... Она меня поняла. Она мнѣ помогаетъ; сегодня вечеромъ она заставила меня ей прочесть мои стихотворенія.

Я слѣдилъ за ней, во время чтенія; нѣсколько разъ она облокачивала голову на руку и безмолвно слушала... Она понимала, чтѣ я читалъ. Главнымъ образомъ, я слѣдилъ за ней, когда я говорилъ *Въ странѣ лучей*; я нарочно ей прочелъ *Колокольчики* въ цѣльности; въ одномъ мѣстѣ, именно въ томъ, гдѣ заключается вся суть стихотворенія,—она сказала: „Какъ хорошо!“ Она очень меня поддерживала и сказала мнѣ, чтобы я ей посвятилъ весь сборникъ; она прибавила: „Я не хочу, чтобы цензура окромсала его!“ „Je ne veux pas que la censure le gogne!“ Она мнѣ сказала, чтобы я еще разъ пришелъ дочитать остальные мои стихотворенія, и все, чтѣ она говорила, имѣло положительное значеніе. Государь прослушалъ все, но ничего не говорилъ; только о Чувтѣ-Кале онъ сказалъ: „Какъ это хорошо!“

101.

26 октября.

...Я легъ и сталъ читать „Онѣгина“... Многія страницы были давно мнѣ знакомы, но въ этотъ разъ онѣ мнѣ такъ понравились, что я невольно сказалъ нѣсколько разъ:—Какъ прекрасно!

какъ хорошо! ...А когда я дошелъ до описанія зимы въ деревнѣ, у меня брызнули слезы изъ глазъ...

Мои такъ часто льющіяся слезы, можетъ быть, слабость съ моей стороны, и съ другими это бываетъ лишь въ минуты экзальтаціи, большихъ возбужденій, въ минуты апогея любви и т. д.,—но чтѣ же мнѣ дѣлать, если всякая минута моей жизни проходитъ въ экзальтаціи и апогеѣ!

102.

27 октября.

....Сегодня я говорилъ съ знающимъ человѣкомъ о моей теперешней службѣ; онъ меня очень поздравлялъ съ этимъ назначеніемъ.

....Что до меня касается, я очень боюсь, чтобы эти занятія не были совершенно противоположны моей совѣсти...

Эта мысль болѣе мучительна для меня, чѣмъ еслибы мнѣ дали службу только неприятную и не подходящую къ моей природѣ, какъ большею частью административные посты.

....Я изъ-за этого не сплю ночей, не ѣмъ, у меня лихорадка, и мои руки леденѣютъ при одной мысли.

....Увидимъ... но ты знаешь, что если я не могу остаться честнымъ человѣкомъ на этомъ мѣстѣ, я уйду во что бы ни стало, хоть напроломъ!

....Спасибо тебѣ, за доброе, хорошее письмо, а на стихи ты, право, нападаешь...

Ассирияне хороши; неправда, что они плохи, никто еще не сдѣлалъ такого точнаго перевода, ты предубѣждена противъ меня—больше ничего... И ты изъ чувства долга просишь у меня *Колокольчики*, чтобы позолотить пилюлю... Впрочемъ ты не одна, вчера m-De Блудова мнѣ сказала: „Я прочла что-то ваше (*détestable*) отвратительное, а именно *Колокольчики*, въ „Современникѣ“,—а по-моему, это одна изъ моихъ самыхъ удачныхъ вещей.

Я тебя увѣряю,—чтобы публика восхищалась чѣмъ-нибудь, необходимо, чтобы эту вещь хвалили въ журналахъ, или чтобы авторъ былъ высланъ, или разжалованъ... или чтобы его никто лично не зналъ,—это самое главное,—и потому у меня больше было успѣха въ Москвѣ.

Вообще люди не могутъ простить челоѣку, котораго они давно знаютъ, что онъ—поэтъ... и что прежде этого не знали... Это открытіе всегда производитъ впечатлѣніе...

Нахальство, которое требуетъ строгаго наказанія, и мнѣ слу-

чалось видѣть людей, которые думали, что они меня сконфузятъ, говоря со мной о моихъ стихахъ...

Но надо признаться, что никого такъ мало не поддерживали, какъ меня... Я не могу не рассказать тебѣ одно очень серьезное сужденіе, которое мнѣ выразила m-De T. о Жуковскомъ...

Его послѣднее произведеніе называется *Вѣчный Жидъ*, и я себѣ позволилъ сказать, что я нахожу стиль этого произведенія немного тяжелымъ и утомительнымъ...

„Правда, — сказала она, — я не могла прочесть безъ скуки, но я себя заставила прочесть его пять разъ, и я васъ увѣрю, что на шестой разъ скука была побѣждена“.

Я очень любилъ Жуковского, но я не преклоняюсь передъ его литературнымъ достоинствомъ, которое необходимо прославлять потому, что онъ былъ преданъ царской семьѣ.

Двѣ противоположности, какъ ты видишь, приводятъ въ различныхъ кружкахъ къ тѣмъ же результатамъ.

103.

Петербургъ, 4 ноября.

....У меня такое *отращеніе*, именно отращеніе къ службѣ, какова бы она ни была, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у насъ, что даже еслибы я хотѣлъ фокусомъ заставить себя подчиниться этому, я бы никогда не дошелъ до хорошихъ результатовъ, и потомъ—я ставлю *искусство, какъ ползу*, сто разъ выше службы...

....И къ тому же матеріалъ, изъ котораго я сдѣланъ, не можетъ найти здѣсь элемента сроднаго ему.

Что бы ни дѣлали, не найдутъ *цемента*, чтобы связать меня съ массой.

....Убить человѣка дурно, но убить мысль, умъ—хуже.

....Я возвращаюсь съ вечера Императрицы, гдѣ изъ мужчинъ былъ только я одинъ. Государь очень добръ и милостивъ.

....Государь очень добръ къ моему дядѣ; онъ нѣсколько разъ самъ былъ у него, и я ему ежедневно посылаю бюллетени.

104.

Петербургъ, 12 ноября.

....Третьяго дня, въ 11-мъ часу, мой бѣдный дядя скончался. Послѣдніе дни у него пропалъ голосъ, и онъ говорилъ только шопотомъ, и спрашивалъ меня постоянно, удовлетворены ли всѣ люди, которые за нимъ ухаживаютъ.

Онъ всѣмъ интересовался, и присутствіе духа не покидало его до конца.

Послѣ завтра его похороны въ Алекс.-Невскомъ; всѣ его жалѣютъ и многіе оплакиваютъ.

Еслибы ты знала, какъ горячо къ сердцу Императрица приняла смерть дяди.

Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно сердечная женщина; ни слова, ни дѣйствія ея не носятъ отпечатка оффиціальности. Она тоже могла бы взять себѣ девизъ: *Не слыть, а быть.*

Христось съ ней, она чудесная, прекрасная женщина...

Когда я тебѣ не пишу, я иначе съ тобой, я слушаю звуки стиховъ, которые витаютъ передо мною въ воздухѣ, и я стараюсь ихъ уловить — задержать. Я часто ошибаюсь и пишу не то, чтѣ слышалъ, но у меня потребность прислушиваться къ этимъ звукамъ.

Я не знаю, какъ другіе пишутъ, но у меня всего чаще при приближеніи этихъ звуковъ волосы поднимаются и слезы брызгаютъ изъ глазъ; никогда это не бываетъ для меня механической работой, никогда — даже при переводахъ.

105.

Царское-Село, 17 ноября.

Господи, Господи, когда же придетъ время, когда мнѣ можно будетъ забыть прошлое и будущее и жить только въ *настоящемъ*? — *Это — счастье на землѣ.*

Надо все или ничего; надо смотрѣть на прошлое и на будущее, какъ, я думаю, мы будемъ смотрѣть на томъ свѣтѣ, или же не дѣлать никакихъ предположеній на будущее и не имѣть никакихъ воспоминаній о прошедшемъ.

Я понимаю, что время есть лишь ложная или недостаточная идея, происходящая отъ ограниченности нашего ума, который не можетъ понять предметы иначе, какъ въ отдѣльности, и который не можетъ сознать ихъ въ одной цѣльности.

У нашей души только одно окошко, черезъ которое она видитъ предметы, одинъ за другимъ; когда стѣны отпадутъ, видъ откроется на всѣ стороны, и все представится одновременно; все, чтѣ казалось противорѣчиво, объяснится самымъ простымъ образомъ, понятнымъ для ребенка; не будетъ больше времени — будетъ вѣчность, будетъ одна общая цѣльность, и слова: время, вѣчность — не будутъ имѣть смысла.

Я все это знаю, я думаю объ этомъ, и все-таки мнѣ думается о всѣхъ диссонансахъ жизни, и мнѣ отъ нихъ больно...

Ты и я, мы чувствуемъ *то, что есть*, и стого мы любимъ искусство, которое есть ступень къ лучшему міру.

Какъ странно, что я такъ хорошо знаю, что такое музыка, и такъ мало ее понимаю. И насколько люди, презирающіе искусство, ограничены, и тѣ люди тоже, которые смотрятъ на эту жизнь какъ на конецъ и на цѣль нашего существованія, и которые относятся къ художникамъ какъ къ людямъ бесполезнымъ, а ищутъ хорошихъ отношеній съ такъ-называемыми практическими людьми.

Художники — авангардъ, піонеры, которые идутъ впереди войска, и на которые войско смотритъ съ презрѣніемъ и жалостью.

Но если видишь дальше, чѣмъ масса видитъ, — развѣ, въ угоду ей, надо нарочно дѣлать себя близорукимъ, работать надъ ослабѣваніемъ зрѣнія, чтобы ровно видѣть то только, что видятъ другіе?

Я не вѣрю этому... Я не сотворенъ изъ того же матеріала, какъ масса; можно ли отъ меня требовать тоже, что отъ другихъ?.. Было бы смѣшно требовать отъ Ч*** или отъ Ш*** писать трагедіи или картины — всѣ бы смѣялись.

Но развѣ не такъ же бессмысленно требовать отъ меня, чтобы я былъ *чиновникомъ* или бюрократомъ?

...Но никто не смѣется надъ этимъ, потому что масса состоитъ изъ бюрократовъ, и что у нихъ нѣтъ довольно ума, чтобы понять, что не всякій созданъ по ихъ подобію.

Я перечелъ Гейне и нахожу, что онъ истинный поэтъ и поэтъ замѣчательный — и чрезвычайно оригиналенъ.

Какъ могъ онъ быть дурнымъ человекомъ?

Чувства злобы, ненависти и даже самыя низкія встрѣчаются въ его произведеніяхъ рядомъ съ самыми возвышенными и глубоко поэтическими чувствами...

Я еще написалъ маленькую вещь о Лорѣ: *Что ты голову склонила?*

106.

Пустынька, 25 ноября.

...Я тебѣ посылаю нѣсколько стихотвореній въ переводѣ, и не скажу тебѣ, кто авторъ оригиналовъ... Миѣ хочется увидѣть, догадаешься ли ты? Никогда я не чувствовалъ такую легкость писать...

Еслибы я теперь издалъ свои стихотворенія, вышелъ бы цѣлый маленькій томикъ, включая переводы...

...Я всегда радъ признаваться въ своихъ ошибкахъ: во-

образы себѣ, что я сталъ энтузіастомъ Пушкина,—не всего, но извѣстной категоріи его стихотвореній...

107.

1 декабря 1856.

....Чѣмъ ближе я всматриваюсь въ дѣло Комитета, тѣмъ сильнѣе я чувствую, что моя совѣсть смущена, и тѣмъ яснѣе я вижу, откладывая всякія соображенія въ сторону, что я не созданъ для такой службы. Несмотря на это, я не могу все это оставить, прежде чѣмъ во все исполнѣ окунуться, чтобы имѣть право удалиться, исполнѣ зная, въ чемъ дѣло (*en connaissance de cause*). Это—такое дѣло, въ которомъ не видишь ясно дорогу, по которой слѣдуетъ идти. Мнѣ невозможно выразиться понятнѣе въ письмѣ. Но въ этомъ случаѣ я не согласенъ съ самимъ собою, и Богъ знаетъ, достигну ли я этого примиренія!..

Еслибы, напримѣръ, меня употребили на дѣло освобожденія крестьянъ, я бы шелъ своей дорогой, съ чистою и ясною совѣстью, даже еслибы пришлось идти противъ всѣхъ. Но въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ я нахожусь—совсѣмъ не то, и не могли сдѣлать худшаго выбора.

Богъ со всѣмъ этимъ, *что будетъ, то будетъ!*..

....Всякій день я сильнѣе убѣждаюсь, что моя жизнь пошла по невѣрному пути, и что всѣ мои мысли, 20 лѣтъ тому назадъ, были справедливы, по крайней мѣрѣ что касается самого себя... Если я буду призванъ дать совѣтъ Юрію, я дамъ ему совѣтъ слѣдовать своему призванію, если у него такое будетъ, и не ломать свою природуНо въ этомъ онъ счастливѣе меня,—никто и не подумаетъ навязывать ему искусственную природу.

108.

6 декабря.

Ты не можешь себѣ вообразить, какое презрѣніе я чувствую къ тому *презрѣнію*, съ которымъ спрашиваютъ меня или обо мнѣ: „Какъ, неужто вы серьезно собираетесь *сочинять*“? И слово *сочинять* достойно тѣхъ устъ, изъ которыхъ оно исходитъ...

Я доволенъ и гордъ, и торжествую, что ты одобрила мои стихотворенія, особенно дидактическое, къ которому я приложилъ много стараній и вниманія, и которое я люблю, несмотря на его „*genge*“. Оно, конечно, массѣ не понравится, но оно понравится тѣмъ, которые, какъ я, художники въ душѣ, и только художники...

Ты больше не отчаиваешься во мнѣ... Еслибы я былъ свободенъ, ты увидала бы, какъ бы я оправдалъ твою поддержку, не-

смотря на обстоятельства моей частной жизни, которая такъ мѣшаетъ спокойствію души, столь необходимому для художника...

109.

13 декабря.

Такъ больно, такъ грустно, что мочи нѣтъ.

Какъ оно ни глупо, но попробую поговорить съ тобою о „Серебряномъ“. Я не дотрогивался до него, но я его не покинулъ, и очень его люблю...

Правда, что надо его передѣлать, и обдѣлать неровности въ стилѣ, и дать характеръ Серебряному, у котораго никакого нѣтъ, и онъ даже блѣднѣе всякаго *jeune-premier*. Я часто думалъ о характерѣ, который надо было бы ему дать,—я думалъ сдѣлать его глупымъ и храбрымъ, дать хорошую глупость, но онъ слишкомъ былъ бы похожъ на Митьку.

Нельзя ли было бы его сдѣлать очень наивнымъ... воспользоваться характеромъ Л..., т.-е. сдѣлать человѣка очень благороднаго, не понимающаго зла, но который не видитъ дальше своего носа, и который видитъ только одну вещь за-разъ, и никогда не видитъ отношенія между двумя вещами. Еслибы сдѣлать это художественно, можно было бы заинтересовать читателя подобнымъ характеромъ.

...Вчера я позвалъ къ себѣ на завтракъ Л. Н. Толстого; онъ очень хорошій человѣкъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ съ тобой познакомился...

Толстой написалъ свое *Юношество*, которое появится въ январскомъ „Современникѣ“. Я предвѣщаю большое удовольствіе.

Тоже появятся нѣсколько моихъ вещей—и въ „Русск. Вѣстникѣ“ также.

110.

13 декабря.

Для „Бесѣды“ я берегу вещи болѣе спеціально-національныя; я наконецъ хочу, чтобы на меня обратили вниманіе, и хочу приобрѣсти право гражданства. Дружининъ меня проситъ дать ему нѣсколько главъ изъ „Серебрянаго“, но я ихъ дамъ „Современнику“, если дамъ... Чтобы сдѣлать себѣ имя, я тебя увѣряю, нужно брать количествомъ, а не качествомъ, что не доказываетъ, что я могу удовлетвориться именемъ въ родѣ Александра Дюма, несмотря на то, что онъ написалъ *Три Мушкетера*...

1857 г.

111.

Петербургъ, 12 мая.

...Вчера я послалъ тебѣ длинное письмо съ дѣтскими письмами въ Парижъ; дѣти всѣ здоровы.

Они чувствуютъ, что я ихъ люблю; какъ только я вхожу въ комнату, всѣ кричатъ и бросаются мнѣ на шею. Андрейка первый...

Они всѣ на меня садятся и дергаютъ меня во всѣ стороны. Андрейка мнѣ рассказываетъ длинныя исторіи о звѣряхъ. Онъ видитъ во снѣ, что я ему привожу ихъ, и что мы вмѣстѣ путешествуемъ по Америкѣ... И онъ мнѣ рассказываетъ всѣ свои сны и проситъ меня на слѣдующую ночь опять взять его въ Америку...

Онъ хотѣлъ имѣть точныя свѣдѣнія, статистическія, объ обезьянахъ и спрашивалъ: „Сколько ихъ всего на свѣтѣ? Будетъ ли 10 милліоновъ или меньше“?

А я, я всякій день его больше и больше люблю. Черезъ два дня они переѣзжаютъ въ очень милую дачу на Крестовскомъ, съ особеннымъ садомъ, отдаленную отъ другихъ.

112.

17 мая.

....Я подтверждаю, что это—совершенная правда:

Андрейка видѣлъ во снѣ лягушку, какъ я ему это обѣщаль наканунѣ; онъ всегда почти видитъ во снѣ то, чтд я ему обѣщаю, но иногда онъ меня укоряетъ, что я не сдержалъ обѣщанія. Недавно онъ мнѣ сказалъ: „Ты мнѣ обѣщаль привести изъ Америки двѣ лягушки, одну сѣренькую, другую желтенькую—зеленькая была, а сѣренькой не было; вмѣсто сѣренькой была бѣленькая“... Тогда я ему говорю, что онъ дурно видѣлъ, и онъ споритъ со мной: „ахъ нѣтъ, она въ самомъ дѣлѣ была бѣленькая“.

Я ему обѣщаль вскорѣ, что я его во снѣ поведу въ пальмовый лѣсъ, въ которомъ на всякомъ деревѣ будетъ сидѣть обезьяна и играть на скрипкѣ—и онъ ждетъ этого путешествія съ большимъ нетерпѣніемъ...

Я написалъ тебѣ нѣсколько стихотвореній въ такомъ родѣ, который ты не будешь критиковать, но сегодня у меня никакой охоты нѣтъ ихъ переписывать... Пароходъ уходитъ сегодня, и мнѣ надо немедленно отправить это письмо на почту...

113.

Петербургъ, 5 іюня.

....Бобринскій необычайно добръ и прѣженъ ко мнѣ; такъ какъ онъ не могъ быть на похоронахъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Гатчино; онъ пріѣхалъ ко мнѣ къ Сергію... Я съ нимъ вернулся на другой день, и такъ какъ въ тотъ же день я сказалъ ему, что поѣду на Крестовскій, онъ захотѣлъ самъ со мной ѣхать, безъ моей просьбы; мы отвезли дѣтямъ апельсинъ... Но такъ какъ М. былъ тамъ и Ал. Жем. былъ со мной, и что время подходило къ тому часу, въ который я имѣлъ привычку ходить къ матери — мнѣ такъ страшно было больно, что я уѣхалъ.

Я еще ни одного дня не былъ одинъ съ своимъ горемъ!...

Я тебѣ написалъ въ Парижъ нѣсколько часовъ послѣ событія.

Ты—*мой другъ* во всѣхъ минутахъ моей жизни...

114.

...Петербургъ, 8 іюня.

....Я спокоенъ, и минутами я почти-что забываю, что случилось, и я жду пробужденія; но дни и ночи проходятъ одни за другими, а я все не просыпаюсь...

Ты теперь мой единственный другъ—въ этомъ мірѣ, гдѣ я чужой...

115.

Петербургъ, 9 іюня.

Я ѣду сегодня вечеромъ въ Сергіевскую: панихида завтра, 9-й день.

....Мнѣ кажется гораздо больше времени прошло... черезъ нѣсколько дней я буду говѣть у Сергія — у меня большая потребность это сдѣлать...

116.

Царское-Село, 10 іюня.

Я здѣсь, чтобы проститься съ Государемъ, который ѣдетъ за границу на мѣсяць — да хранить Его Господь! Этотъ человекъ такъ сильно желаетъ добра, и ему такъ дурно служить!...

....Ты знаешь, я не боюсь моральныхъ страданій и я никогда ничего не сдѣлалъ, чтобы ихъ избѣгнуть, но вечеромъ мнѣ невозможно оставаться въ этомъ пустомъ домѣ. Эту ночь я провела у Бобринскаго—вчера былъ съ нимъ у дѣтей...

Я былъ на 9-й день на богослуженіи въ монастырѣ; и я тамъ спокойнѣе, но часто, очень часто, у меня является надежда,

что все это сонъ, и что я сейчас проснусь; я дѣлаю усилія, чтобы прервать сонъ, и мнѣ часто кажется, что я могу дойти до этого... Мнѣ приходитъ мысль, что наша теперешняя жизнь въ самомъ дѣлѣ—сонъ души; можетъ быть, мы видимъ сны, только такіе—одинъ разъ, а можетъ быть эти сны періодическіе, какъ наши...

Бываетъ со мной тоже, что я хочу написать матери — во время церемоніи не одинъ разъ мнѣ хотѣлось подѣлиться съ нею тѣмъ или другимъ случаемъ, который ей могъ бы быть приятнымъ; какъ только какое-нибудь сочувствіе или сожалѣніе мнѣ кажется искреннимъ, мнѣ хочется ей его передать.

Потомъ мысль о ея смерти исчезаетъ совершенно, и я почти что удивляюсь, когда мнѣ о ней говорятъ.

117.

18 іюня.

....Я получилъ письмо отъ Хомякова, полное такихъ похвалъ, отъ него и отъ другихъ лицъ, что, вообрази себѣ, мнѣ это доставило много удовольствія, несмотря на мое большое горе.

Я тебѣ признаюсь, что я не буду доволенъ, если ты познакомишься съ *Некрасовымъ*. Наши пути разные...

Христосъ съ тобой, единственный мой другъ...

118.

Петербургъ, 4 іюля.

....Я тебѣ пишу всякій день—у тебя есть письмо въ Коло, Веве, Венецію...

Обрати вниманіе на характеръ ломбардскихъ церквей, постарайся изучить фізіономію различныхъ архитектуръ.

Поѣзжай въ Верону,—тамъ есть ломбардскій соборъ и римскій амфітеатръ, очень хорошо сохранный... и потомъ могила Ромео.

До свиданія, Богъ съ тобой.

Дѣти—хорошія дѣти, и я надѣюсь, что мы можемъ ихъ сдѣлать еще лучшими...

119.

30 ноября.

....Я такъ медленно подвигаюсь, что мало вѣроятія, чтобы я пріѣхалъ въ-время...

Погода отвратительная, вѣтеръ воетъ, дождикъ идетъ, снѣгъ идетъ и теперь морозить...

Второе колесо сломалось, и я на одну станцію дальше Серпухова...

Напиши мнѣ два или три слова въ Кременчугъ, а потомъ въ Алуку.

Только я тобой и живу.

120.

Курскъ, 8 декабря.

...Мнѣ остается 500 верстъ до Кременчуга—и тошъ кончается... Если снѣгъ выпадетъ, я поѣду на перекладной, но что-то не похоже на это.

Я крѣпко увѣренъ, что я предназначенъ написать что-нибудь хорошее; я это чувствую, какъ какую-то вѣру, какое-то убѣжденіе; но если бы ты для меня исчезла, священный огонь бы потухъ самъ собой.

Я все отношу къ тебѣ: славу, счастье, существованіе; безъ тебя ничего мнѣ не остается, и я себѣ сдѣлаюсь отвратительнымъ.

121.

Николаевъ, 13 декабря.

...Я нашель здѣсь записку изъ Петербурга отъ С. П., которая мнѣ передасть другую, отъ 3-го, изъ Симферополя.

Василію Алексѣевичу, кажется, рѣшительно лучше.

Итакъ, я остаюсь здѣсь часть ночи и потомъ продолжаю путь...

Я написалъ нѣсколько стихотвореній во время тряской дороги... Я исправилъ тѣ, которыя я послалъ изъ Кременчуга, и которыя были совсѣмъ въ первобытной формѣ.

На станціяхъ, пока мѣняють лошадей, я записываю то, что произвелъ дорогой.

Осталось еще 400 верстъ до Алуки, а погода все хорошая; о снѣгѣ и помину нѣтъ...

122.

Симферополь, 8 декабря.

...Я имѣлъ извѣстіе о дядѣ въ Перекопѣ, и потомъ я встрѣтилъ, спустя нѣсколько станцій, графа Строганова, который его видѣлъ. Онъ говоритъ, что ему очень плохо, но нельзя опредѣлить, сколько это можетъ продолжиться.

Еслибы ты знала, какъ сжимается сердце при видѣ горъ и Чатырь-Дага...

123.

Алука, 9 декабря.

....Пройдетъ еще недѣля, прежде чѣмъ я оставлю Крымъ, — моего дядю отнесутъ въ монастырь Св. Георгія, — и потомъ, на одинъ день, самое большое, поѣду въ Мелась. Монастырь верстъ 60 отсюда, и послѣ-завтра шестіе трогается въ путь.

Мой бѣдный дядя меня очень ждалъ, но онъ записалъ въ книжкѣ, прежде чѣмъ получилъ мою депешу, что онъ проситъ меня не пріѣзжать, чтобы не тревожить меня въ моихъ дѣлахъ, и что между нами не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, и что онъ увѣренъ въ моемъ чувствѣ къ нему — и онъ мнѣ и Борису поручилъ исполненіе его послѣдней воли, что записано было имъ въ той же книжкѣ, въ родѣ завѣщанія.

Онъ сохранилъ присутствіе духа до послѣдней минуты... Онъ два раза причащался и оставилъ самыя трогательныя распоряженія, полныя вниманія для многихъ людей...

Говорятъ, что много розъ въ саду; я еще тамъ не былъ...

....Скорѣй, скорѣй бы все долой съ плечъ и начать жизнь...

124.

Алука, 11 декабря.

....Сегодня мы отнесли дядю въ церковь; мы несли его на рукахъ; дорога была покрыта зеленью — лавровыя вѣтки, вѣтки розмарина въ цвѣту и разныя другія, совсѣмъ зеленыя вѣтки... Садъ почти весь зеленый; розъ нѣтъ, но много кустовъ, покрытыхъ желтыми цвѣтами; плющъ красивѣе, чѣмъ когда-либо; кипарисы покрыты шишками, и это придаетъ имъ видъ менѣе мрачный, чѣмъ лѣтомъ; есть мѣста въ саду, гдѣ лавровые кусты, простые и розовые, такъ пышны и густы, что можно себѣ вообразить настоящее лѣто...

....Завтра мы идемъ въ монастырь...

Я забылъ тебѣ сказать, что садъ полонъ птицами, которыя щебечутъ; особенно много дроздовъ. Въ лучахъ солнца пляшутъ мириады мушекъ...

125.

21 декабря.

(Какая-то станція 400 верстъ отъ Екатеринослава.)

Ночь темная, и мнѣ пришлось вернуться на станцію, отбѣхавши лишь 5 или 6 верстъ. Ямщикъ изморился — онъ совсѣмъ измерзъ; вѣтеръ ужасный и метель — зги не видать...

....Ты не знаешь, какой громъ рюмъ грохочетъ во мнѣ, какія волны поэзіи бушуютъ во мнѣ и просятся на волю...

Я еще написалъ нѣсколько вещей между станціями и усовершенствовалъ другія...

Погода проясняется, я ѣду дальше...

1858 г.

126.

16 января.

Вчера я обѣдалъ у Государя и сегодня былъ опять; многое, включая литературу, принимаетъ хороший оборотъ. Дай Богъ Ему здоровья,—я говорю это отъ всего сердца.

1860 г.

127.

Лондонъ, 13 іюня.

.....Ложусь теперь спать потому, что не спалъ и эту ночь; а завтра расскажу тебѣ разные вещи... А теперь скажу только, что я, проходя мимо Hyde Park'a, видѣлъ змѣя (*serp-volant*), такого хорошаго, что тотчасъ подумалъ объ Андрейгѣ, и стараюсь ему достать такого. Онъ имѣетъ форму птицы, летаетъ и машетъ крыльями, и потомъ спускается и садится на траву какъ птица, и все машетъ. Еслибы я такого увидѣлъ на охотѣ, непременно выстрѣлилъ бы въ него. Его пускалъ очень толстый и серьезный человѣкъ, для собственнаго удовольствія.

Два часа ночи. Я только-что вернулся отъ Юма, и несмотря на боль, которую причиняетъ мнѣ наша разлука, я не жалѣю о моемъ путешествіи въ Лондонъ, такъ какъ *сеансъ былъ поразительный*.

Боткинъ (В.) увѣровалъ; хочеть завтра запереться, не выходить цѣлый день, чтобы обдумать все, что онъ видѣлъ...

Насъ было: я, Боткинъ, жена Юма, г-жа Миллеръ-Гибсонъ (жена cabinet-minister), одна дама-компаніонка и потомъ Штейнбокъ. Прежде всего были явленія, которыя тебѣ извѣстны; послѣ этого продолжали въ полутемнотѣ; вся мебель задвигалась, передвинулась; одинъ столъ сталъ на другой, диванъ сталъ посреди комнаты, колокольчикъ гулялъ по всей комнатѣ и звонилъ въ воздухъ, и т. д. Потомъ произвели полную темноту. Фортепіано заиграли сами собой, браслетъ былъ снятъ съ руки *м-me Gibson* и упалъ на столъ, *испуская лучи свѣта*. Юмъ былъ под-

нять на воздухъ, и я щупалъ его ноги, пока онъ леталъ надъ нашими головами. Руки обняли мои колѣни и брали мои руки, и когда я хотѣлъ задержать одну руку, она *растаяла*.

На столѣ лежали карандаши и бумага; одинъ листъ бумаги всунулся самъ мнѣ въ руку, и азбука сказала, что я долженъ его передать Юмъ; на немъ было написано: „Любите ее всегда. Н. Кроль“. (*Aimez-la toujours, N. Kroll*). Почеркъ былъ совершенно схожъ съ почеркомъ матери m-me Юмъ, и мы его сравнивали съ ея письмами. Очень слабый голосъ слышался во время игры на фортепиано. Стукъ сильный, точно удары молотка слышались въ столѣ, подъ руками у Боткина. Подушка упала мнѣ на голову. Чтò меня всего больше убѣдило, еслибы я не вѣрилъ,—это руки, которыя я чувствовалъ, которыя жали мои руки, хлопали по моимъ рукамъ, и которыя растаяли, когда я хотѣлъ ихъ уловить. Холодный вѣтеръ дулъ очень чувствительно вокругъ насъ, мы почувствовали ароматы—и у Юма послѣ сеанса руки горѣли и слезы лились изъ его глазъ. Жена его и онъ постоянно видѣли звѣзду на одномъ изъ стульевъ, но я не видалъ ее. *Видимыя* руки скользили около окна, слабо-освѣщеннаго газомъ снаружи. Занавѣси на окнѣ были задернуты. М-me Gibson пригласила меня завтра вечеромъ къ себѣ, къ новому сеансу, но, къ несчастію, на этотъ разъ Боткинъ не приглашень, ради многочисленности гостей.

...Юмъ все цѣловалъ меня, ухвативъ обѣими руками за лицо, и плакалъ горько о своей *belle-mère*...

128.

Парижъ, 17 ноября.

...Я только-что вернулся отъ к-ни Бутера, у которой я, по ея просьбѣ, устроилъ вечеръ съ *Du Potet* (Du Potet).

Сеансъ былъ *великопный* и не оставляющій мнѣ никакихъ болѣе сомнѣній насчетъ публичныхъ сеансовъ, которые мы вмѣстѣ видѣли.

Ничто не отсутствовало, даже магическое зеркало, и лица, которыя были магнетизированы, вѣ всякаго подозрѣнія сообщества; напр., гр. С. Б., которая заснула, откидываясь на спинку дивана, послѣ 10 пассовъ, и вопреки своему желанію противо-дѣйствовать.

Двѣ барышни Св... проявили феномены катаlepsii и поко-ренія воли совершенно удивительныя. Я все тебѣ расскажу въ подробностяхъ... Я думаю, я откажусь отъ поѣздки въ Голландію, чтобы остаться для сеанса Squire, который меня пригла-

шаетъ. Ты понимаешь, подобные случаи рѣдко встрѣчаются, а Голландія останется на томъ же мѣстѣ — всегда...

1861 г.

129.

Петергофъ, 27 июля.

Императрица—да благословить Богъ эту великодушную женщину, — узнавши, что я здѣсь, не подождала, чтобы я представился ей, но велѣла меня пригласить на вчерашній вечеръ, на новую ферму. И еслибы мои рѣшенія могли быть разрушены чѣмъ-нибудь, ея встрѣча это сдѣлала бы...

Государь былъ холодно милостивъ...

Многія лица мнѣ говорятъ, что онъ никогда не дастъ мнѣ безсрочный отпускъ. Я хочу предупредить ударъ и написать ему въ Крымъ. Говорить теперь невозможно.

Наслѣдникъ внушаетъ мнѣ огромную симпатію, настоящую симпатію—вотъ такъ бы и кинулся ему на шею!..

130.

Москва, 18 октября.

...Я прочелъ „Донъ-Жуана“ Каткову и Аксакову...

Аксаковъ проявилъ такое негодованіе на поведеніе Донъ-Жуана, что онъ началъ его ругать, и увѣрялъ, что онъ—*тройная переюнка подлеца*, вслѣдствіе чего онъ не достоинъ покровительства ангеловъ. Онъ сдѣлался совсѣмъ красный, и сказалъ, что вообще человѣкъ, который бѣгаетъ отъ одной женщины къ другой — негодай, а исканіе идеала—лишь предлогъ для такихъ негодяевъ. Такъ я и думалъ, что эффектъ совсѣмъ пропасть, но на другой день онъ мнѣ сказалъ, что это произведеніе изъ ряду вонъ, несмотря на всѣ недостатки, и что надо принимать отъ Каткова менѣе 500 руб.

131.

31 декабря.

Я начну чтеніе у Императрицы съ 3-го числа, но не знаю, сколько дней это будетъ продолжаться...

1862 г.

132.

4 января.

...Вчерашнее чтеніе имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и предыдущее, съ тѣми же перерывами; сегодня я читаю той же аудиторіи, но у великой княгини Маріи Николаевны. Она меня спросила, что я хочу къ ужину; я ей сказала: „картофелю съ лукомъ“. Императрица ужасно деликатна; рѣдко обыкновенныя дамы бываютъ такъ деликатны. Она мнѣ оказала, что ей совѣстно меня задерживать такъ долго далеко отъ Пустыньки, куда—она знала—меня тянетъ вернуться... Она меня всякій разъ спрашиваетъ: „*Можете ли вы придти завтра*“. Ты понимаешь, что я отвѣчаю, что я вполнѣ къ ея услугамъ...

133.

12 января.

...Мнѣ остается еще одно чтеніе послѣ вторника—будетъ послѣднее. Вчера мнѣнія раздѣлились: Императрица, великая княгиня Марія Николаевна и г-жа Веневетинова—протестовали противъ казни ¹⁾; А. Толстой, Борисъ Перовскій и г-жа Мальцева нашли ее великолѣпной и громогласно просили, чтобы ничего не было измѣнено.

Сцена между старухой и Михеичемъ имѣла большой успѣхъ. Я приглашенъ на балъ въ воскресенье... Мое нездоровье, которое выказалось вчера на чтеніи, меня извинить.

134.

4 іюня, понедѣльникъ, Царское-Село.

...Я ѣду въ городъ, гдѣ проведу день между Поповымъ и другими лицами; завтра поѣду въ Пустыньку, а послѣ-завтра, 6-го, ѣду къ тебѣ въ Москву... Я говорилъ кому слѣдуетъ о Муравьевѣ—очень сильное предубѣжденіе существуетъ противъ сына. Я пытался спасти Аксакова, но неудачно.

¹⁾ Дѣло идетъ о чтеніи исторической повѣсти „Князь Серебряный“.

1863 г.

135.

Шлангенбадъ, гостинница „Викторія“, 9 мая.

Здѣсь очень хорошо; кругомъ лѣсъ буковый, и много-много дорожекъ, и вездѣ шумять ручьи, какъ въ Дивонѣ, только здѣсь гораздо лучше...

Послѣ того, какъ я тебѣ это написалъ, я пошелъ въ одну деревню, eine Stunde von hier, и шелъ туда все горами и лѣсомъ, и встрѣтилъ три рыжія улитки и одну зеленую ящерицу. У улитокъ у всѣхъ на правомъ боку была дыра, чтобы дышать, а у меня... нѣтъ такой дыры, и я долженъ дышать черезъ горло. И изъ той деревни я еще ходилъ за 1½ версты смотрѣть одинъ глушій видъ и потомъ вернулся домой съ легкостью серны... А тотъ человѣкъ, который давалъ мнѣ простокваши, смѣется надъ людьми, которые говорятъ, что Шлангенбадъ простая вода, и называетъ ихъ дураками и свиньями. А я теперь не одинъ здѣсь. Отыскался еще какой-то шальной голландецъ и одна старая русская дама, но я ихъ не видалъ... А вотъ я и еще ходилъ. Пошелъ я по горамъ безъ дорожекъ, и не прѣшелъ я такъ сто шаговъ, какъ около меня очутилась толстая гнѣдая собака, вся изгрызанная другими собаками, должно быть безпокойнаго характера, но очень учтивая. Она подошла ко мнѣ согнувшись бокомъ и дала почувствовать, что желаетъ показать мнѣ мѣста. Я согласился. Вотъ она и повела меня разными тропинками, вела, вела, оглядываясь и возвращаясь опять (тутъ ли я?), и привела наконецъ въ какой-то храмъ славы; тамъ она легла и, вертя хвостомъ, еще издали смотрѣла на меня съ торжествомъ: „вотъ у насъ каково“?

А въ этомъ храмѣ славы стоитъ жертвенникъ и на немъ изваяны двѣ змѣи, выпивающія чашку съ молокомъ и крессъ-салатомъ, а надъ ними написано: „Графу Карлу и графинѣ Бетси фонъ-Грюнъ въ благодарность за сезонъ 1830“... Я сегодня былъ три раза въ ваннѣ и чувствую себя такъ хорошо, что хочу ѣхать завтра. Чтѣ-то ты, моя бѣдная, болѣзная? Другъ ты мой!..

Пиши въ Eisenach.

136.

Франкфуртъ, 11 мая.

....Я ѣду сейчасъ въ Вольфенбюттель, а оттуда въ Гарцбургъ или въ Дрѣмлингъ, гдѣ Wilde Jäger, а оттуда въ Eisenach, гдѣ Wartburg, а потомъ черезъ Weimar въ Дрезденъ.

Проѣзжу я дней пять или шесть, чтобы протянуть время и не слишкомъ рано, до твоего приѣзда, приѣхать въ Дрезденъ. Душа моя, я знаю и понимаю, что тебѣ хочется посмотрѣть на дѣтей, какъ они будутъ жить одни безъ тебя, особенно маленькій Андрейка.

Я теперь совсѣмъ здоровъ... У каждой улитки есть, кромѣ рта, на правомъ боку дыра, чтобы дышать, а у сына человеческого нѣтъ дыры на боку, и онъ дышетъ только черезъ ротъ.

...Пожалуйста, купи себѣ что-нибудь очень хорошее, я послѣ проиграю его тебѣ въ шахматы!

137.

Harzburg, 13 мая.

Я не поѣхалъ къ Wilde Jäger, потому что Drömmling гораздо дальше отъ Брауншвейга, чѣмъ мнѣ сказали.

А завтра поѣду на мулъ (сынъ осла и лошади) на Blocksberg, а послѣ-завтра вѣроятно въ Eisenach. Только досадно, что придется ѣхать черезъ поганый, скверный, проклятый Kassel! Онъ еще хуже Берлина. Мерзость, просто мерзость!.. Христосъ съ тобой, спать хочу!

138.

Прага, 13 юня.

...Гагаринъ не далъ мнѣ спать всю ночь, и мы проѣзжали черезъ самыя хорошія мѣста; только вышло, что на Прагу намъ не дорога и мы сдѣлали огромный крюкъ.

Мы рѣшили, что здѣсь жить нехорошо, хотя много интереснаго, и что Дрезденъ лучше Праги!

139.

Carlsbad, 16 юня.

....Сегодня у меня очень болитъ спина, но я съ 5 часовъ утра до $\frac{1}{2}$ девятаго вечера ходилъ и почти ни разу не сѣлъ.

Теперь ужасно хочется спать.

....Достань какую-нибудь русскую газету, — тамъ есть отличное заявленіе московскихъ студентовъ, напечатанное въ „Днѣ“, по поводу польскихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ учреждаются національныя гвардіи.

140.

Carlsbad, 22 юня.

....Сегодня я всталъ съ тяжелой головой, но, говорятъ, такъ должно быть, а вообще мнѣ хорошо, и я очень много хожу по горамъ, всякій день верстъ 15.

....Здѣсь очень много птицъ, и онѣ никого не боятся.

Намедни я сидѣлъ во время дождя подъ навѣсомъ и пилъ кофе (который здѣсь позволяется), а птица одна маленькая и мокрая прилетѣла и сѣла передо мной на спинкѣ стула. Я далъ ей крошку; она взяла и сѣла подлѣ моей чашки и продолжала ѣсть. Здѣсь есть тоже бѣлки, довольно ручныя, и никакихъ звѣрей никто не обижаетъ.

Нѣкоторые сидятъ въ гнѣздахъ у самыхъ дорожекъ.

Я уже гораздо лучше дышу и не запыхаюсь на горахъ... Христосъ съ тобой.

Сегодня у меня былъ Seegen и сказалъ, чтобы я не слишкомъ много ходилъ и не выбивался изъ силъ. А я хожу, чтобы не заснуть.

Завтра мнѣ будутъ давать одинъ Mühlbrunn, безъ Schlossbrunn, т.-е. все сильнѣе и сильнѣе, но всего только 6 стакановъ, а въ 1826 году давали больнымъ по 20 стакановъ. Теперь никому столько не даютъ.

Самое лучшее время послѣ воды—часовъ въ 9, когда уже цѣлый часъ человѣкъ ходилъ и можетъ пить кофе; тогда онъ садится въ тѣнь, подъ деревья, и, аки левъ бросается на кофе и на тотъ хлѣбъ, который онъ принесъ въ карманѣ, каждый изъ той булочной, которая ему по сердцу. Мы здѣсь нашли такой хлѣбъ, котораго даже нѣтъ и въ Россіи—почти одна корка, золотистая, не сожженная, а такъ и хруститъ, и хруститъ...

Сегодня я ходилъ въ эту булочную, и старая булочница съ сыномъ (очень добрые) давали мнѣ урокъ, какъ его печь, и дадутъ рецептъ и планъ печи.

Ты знаешь, что я очень люблю австрійцевъ, ремесленниковъ и простыхъ; они чрезвычайно живые, добродушные каламбуристы и почти всегда красивые. Съ ними можно говорить всякій вздоръ, и они это очень любятъ. Нѣтъ ничего общаго между ними и сѣверными нѣмцами.

Здѣсь очень много шпионовъ. Одного мы открыли, и онъ, будучи здоровъ, былъ принужденъ пить Mühlbrunn...

Не знаю, похудѣлъ ли я, но Гагаринъ нисколько, и все тузить о фдѣ и сердится...

141.

28 іюня.

....Мы съ Гагаринымъ сейчасъ вернулись отъ самой отдаленной и высокой горы, которая называется Aberg, и шли въ сумеркахъ по такимъ прекраснымъ мѣстамъ, что оба ахали отъ

удовольствія. Между прочимъ тамъ было одно плоское мѣсто съ лѣсомъ, съ рожью и съ Иванъ-чаемъ, совершенно какъ въ Россіи, и такое прекрасное, что я все думалъ о тебѣ, и какъ оно тебѣ бы понравилось... А одно здѣсь мѣсто есть, на берегу Теплы, за-городомъ, точно какъ Пустыньскій лугъ, который примыкаетъ къ Никольскому, и растутъ на немъ всѣ тѣ цвѣты, какъ и въ Пустынькѣ, совершенно тѣ же самыя, такъ что Гагаринъ и я—мы закричали.

И чеберу здѣсь много, и сѣномъ пахнетъ, и очень, очень хорошо вообще...

Днемъ я такъ глупъ, что для Павловой списываю всякій день только по двѣ страницы 3-го акта. Скоро кончу и пришлю ей. И читать днемъ не могу, а вечеромъ хочу спать...

Мнѣ по Андрейкѣ часто бываетъ скучно,—я его въ *самомъ* дѣлѣ люблю...

Христось съ тобой, моя милая...

142.

Карлсбадъ, 30 іюня.

Мы вернулись только-что изъ этого красиваго мѣста, о которомъ я тебѣ говорилъ и которое похоже на Россію... Гористое, все покрытое берестомъ и Иванъ-чаемъ, и сосновый лѣсъ, совсѣмъ черный, выдѣляющийся на прозрачномъ ночномъ фонѣ...

Сегодня мы опять заставили здороваго шпіона выпить стаканъ Мюльбрунна...

Г... нашелъ кусочекъ ветчины въ компотѣ изъ чернослива и страшно кричалъ и ругался...

Король прусскій очень добрый, Богъ съ нимъ! Пусть живетъ.

...Сегодня я наконецъ кончилъ списывать 3-й актъ; я его пришлю тебѣ, а ты дай его Павловой...

143.

Carlsbad, 10 іюля.

...Сегодня я сидѣлъ подъ деревьями и пилъ кофе съ хлѣбомъ на 6 крейцеровъ. Прилетѣло разное птитво, все мелкіе, и начали подходить въ припрыжку, кто въ черномъ жилетикѣ, кто въ пестренькомъ, кто во фракѣ, и всѣ бочкомъ, бочкомъ, и смотрять мнѣ въ глаза. Я имъ далъ крошекъ, и они съ ними начали возиться, а одинъ былъ такой жадный, что отымалъ у другихъ и хотѣлъ всѣ крошки забрать себѣ въ ротъ разомъ,—жевалъ, жевалъ и наконецъ подавился.

Онъ былъ въ черномъ жилетикѣ.

Съ ними здѣсь всё безъ исключенія хорошо обходятся, — обходить кругомъ, чтобы ихъ не задѣть.

Вообще здѣсь народъ добрый! Только носятъ слухи, что поляки хотять насъ зарѣзать на Мюльбруннѣ. Это, впрочемъ, я сейчасъ выдумалъ...

144.

Юля 13, Карлсбадъ.

...И за то, что ты мнѣ не писала, скажу тебѣ, что у меня нога очень болѣла и вчера, и сегодня, и опять нѣмѣеть, а ходить не мѣшается, и когда сяду, то боль скоро проходитъ. И у Гагарина иногда это бываетъ, и у Ухтомскаго; и сербскій архіерей, очень живописный, намъ тоже рассказывалъ. Ему представлялъ насъ сербскій попъ, и завтра мы пойдемъ къ обоимъ. Попъ говорить по-нѣмецки, а архіерей по-русски очень хорошо.

И ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова про „пупъ земли“ (извѣстный ресторанъ въ Карлсбадѣ — „Pupp“)... Очень тяжело рано вставать, когда человѣкъ только-что входитъ въ форсъ сна, и до сихъ поръ я не могу привыкнуть, а Гагаринъ всякій разъ опаздываетъ.

Когда мы были въ Прагѣ, онъ велѣлъ себя разбудить въ 7 ч. А когда пришелъ Lohnbedienter, по имени Joseph, будить его, говоря: „Es ist sieben Uhr“, ему показалось, что это продавецъ спичекъ, который предлагаетъ ему: sieben hundert (700) Zündhölzchen, и онъ сталъ кричать: „Gehen sie zum Tüfel“! перевернулся на другую сторону и началъ спать, пока я его не стащилъ за ноги...

145.

16 юля.

Я усталъ, потому что все ходилъ съ m-me Kalergi, которая рассказывала мнѣ всякую всячину про Польшу.

А передъ тѣмъ далеко, далеко ходилъ съ Гагаринимъ безъ всякихъ дорогъ.

Ужъ мы ходили, ходили, лѣзли, лѣзли, лѣзли, и наконецъ вылѣзли изъ лѣсу, почти къ самому Энгельсгаузу.

Тамъ нашли такое множество полевыхъ цвѣтовъ, что и сказать тебѣ не могу, и опять совершенно русское мѣсто; а когда я увижу что-нибудь хорошее, тотчасъ подумаю о тебѣ, и ничѣмъ порядочнымъ не могу наслаждаться безъ тебя.

Дорогу, по которой мы лѣзли, мы назвали *Чортзнакудиская*...

Теперь весь Карлсбадъ шумитъ на улицѣ, и сейчасъ будетъ Fackelzug для прусскаго короля.

А вчера въ концертѣ я сидѣлъ за нимъ и все время видѣлъ его затылокъ, очень бѣлый и гладкій. Камергеръ его сидѣлъ возлѣ него, изъ респекта не на стулѣ, а промежъ двухъ стульевъ, на пустомъ мѣстѣ, и затылокъ его былъ еще толще королевскаго... У меня всегда на столѣ стоитъ букетъ розъ, а иногда очень хорошихъ бѣлыхъ лилій, которыя отлично пахнутъ. Покупаю я ихъ потому, что мнѣ всякій день предлагаетъ ихъ одна бѣдная и хорошая женщина.

...Достань себѣ бѣлыхъ лилій, онѣ прекрасныя и очень долго держатся. А когда я утромъ хожу пить воду, эта женщина даритъ мнѣ всегда одну розу, которую я втыкаю въ петлицу...

Гагаринъ не умѣетъ завязывать себѣ башмаковъ, — сегодня я ему завязывалъ.

Опять сдѣлалось очень поздно, надо мнѣ спать. Посылаю тебѣ карточку сербскаго архіерея; посади ее въ альбомъ и замѣть, какъ онъ хорошо стоитъ: точно венеціанскій дождь, написанный Тиціаномъ.

146.

21 іюля.

...Вотъ какъ я поймалъ шпиона: мы разъ вылезли изъ карлсбадской дыры на гору, откуда идетъ плоское мѣсто до Энгельсгауза, и тамъ сѣли у самаго лѣса на лужокъ, спиной къ лѣсу, а дорога у насъ осталась далеко направо и къ намъ не было никакой ни дорожки, ни тропинки, — замѣчай!..

...Вотъ, черезъ нѣсколько времени — по той дорогѣ, которая направо отъ насъ, идетъ человѣкъ и входитъ, какъ слѣдуетъ, въ лѣсъ, и полагаемъ мы, что онъ на дорогѣ и продолжаетъ идти лѣсомъ къ Энгельсгаузу. А Гагаринъ между тѣмъ, какъ обыкновенно, пилить меня своей тещей, или жалуется на кухню, или, можетъ быть, сердится на что-нибудь изъ всемірной исторіи, только дѣло въ томъ, что болтаетъ. Пока онъ этакъ тонкимъ голосомъ болтаетъ, слышу я, что за нашей спиной въ соснахъ что-то шелеститъ, а онъ-то ничего не слышитъ. Я ему говорю: — Не шевелись, а прислушайся, тамъ что-то шелеститъ. Онъ говоритъ: — Должно быть, звѣрь. — Я говорю: — Нѣтъ, не звѣрь; ты ступай прямо, а я забѣгу впередъ. — Да и забѣжалъ. А лѣсъ-то густой, такъ что за два шага ничего не видать. Какъ забѣжалъ я, тамъ опять зашелестѣло, да ужъ отъ меня. Тутъ я припалъ къ землѣ и вижу сквозь стволы, что отъ меня на четверенькахъ улепетываетъ человѣкъ. Я поскорѣй за нимъ, а онъ припалъ къ землѣ и растянулся какъ лягушка. Я ему: — Was

machen Sie hier?—Да и замахнулся на него зонтикомъ. А онъ отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ:—Ich wollte nur einen...

И сдѣлалъ такое жалкое лицо, каналья, что мнѣ стало его жалко, и я, ничего не сообразивъ, отпустилъ его...

Только послѣ ужъ мы увидѣли, когда онъ уползъ, что это былъ тотъ самый человѣкъ, который шелъ по дорогѣ, и розанъ былъ у него—какъ у всѣхъ шпионовъ, и никакого повода не было ему красться именно за нашей спиной, своротивъ для этого съ дороги, откуда онъ долженъ былъ насъ видѣть. Это именно былъ шпионъ, самый настоящій, и мнѣ очень жалко, что я не далъ ему никакого порученія.

А того шпиона, котораго мы заставляли пить воду, уже больше не видать на водахъ; иногда только видимъ, какъ онъ идетъ по улицѣ и насъ избѣгаетъ...

147.

22 іюля.

...Я читаю съ большимъ любопытствомъ Ernest Renan, но онъ очень узенькій и говоритъ про Христа съ снисхожденіемъ, извиняя Его временемъ и средой, что Онъ, бѣдный, вѣрилъ чудесамъ. Былъ Онъ, по его мнѣнію, ума не слишкомъ дальняго, довольно переменчивый въ Своихъ мнѣніяхъ, но впрочемъ человѣкъ хорошій. Много Ему повредило знакомство съ Іоанномъ Крестителемъ и къ добру Его не привело, но, къ счастью, Іоанну отрубили голову, и тогда опять все пошло хорошо. Болѣе всего Онъ обязанъ Своимъ развитіемъ галилейскому пейзажу. Еще, говорить, явилась очень интересная книга: *Relazione degli ambasciatori della repubblica di Venezia presso le corte dell'Europa*.

Достань ее себѣ...

Теперь мы каждый вечеръ пьемъ чай у Мещерскихъ и уходимъ довольно поздно...

148.

Carlsbad. 23 іюля.

...Я читаю Renan и очень его презираю. Это—гадкій католическій попъ, который сбросилъ ризу, но перенесъ въ свои новыя убѣжденія всѣ приемы и всю недобросовѣстность дурного попа. И даже языкъ его гадкій

149.

26 іюля.

...Это чуть ли не послѣднее письмо, которое я тебѣ пишу. Мы хотимъ ѣхать послѣ-завтра; будемъ почевать въ Гофѣ...

Мнѣ такъ дѣлается весело, что я тебя увижу, что я сказать тебѣ не могу... И я такъ буду счастливъ опять въ моей комнатѣ и работать буду много...

Доказательство, что я умный—то, что намени былъ концертъ въ Постгофѣ, и я, увидѣвъ на афишахъ *Symphonie in C-moll von Beethoven*, отправился туда заранѣе одинъ, безъ Гагарина и Вельггорскаго и Мещерскихъ, которые пришли позже, и за сѣлъ и выслушалъ ее, а остальное не захотѣлось слушать, и когда пришли другіе, тихонько ушелъ боковой дорогой... Я здѣсь морально усталъ очень, и у меня сильный Heim-Weh.

150.

† Карлсбадъ, 5 (17) сентября.

Zum König von Sachsen, et non pas zum Oesterreichischenhof.

...Я вчера пріѣхалъ въ 11 ч. въ Шварценбургъ и могъ бы сейчасъ же уѣхать, если бы какой-то носильщикъ мошенническимъ образомъ не унесъ мой багажъ, подъ предлогомъ мнѣ помочь; у него былъ сдобный голосъ, и онъ отдалъ мой сундукъ и мои шляпные ящики какимъ-то чужимъ людямъ. Возвращеніе себѣ моихъ вещей взяло болѣе часа; въ это время я успѣлъ прочесть на стѣнѣ, что существуетъ новый „Желудочникъ“, лекарство: русское—*Russische „Magenbitter“*, подъ именемъ *Малаковъ*—безошибочное средство противъ всякихъ желудочныхъ и общихъ недуговъ, выдуманное нѣкимъ Шульцъ и продающееся въ Шварценбургѣ.

...Вывѣска изображала француза, англичанина, русскаго и турка—всѣ четверо держатся за руки на вершинѣ Малахова Кургана и пьютъ *Russisches Magenbitter*.

Я пріѣхалъ въ Карлсбадъ сегодня утромъ въ 6 ч. и остановился въ *Oesterreichischen Hof*, но не остался тамъ, такъ какъ у дѣвушки, которая показывала мнѣ комнаты, были грязныя ноги. У *König von Sachsen* меня приняли съ радостнымъ возгласомъ и восторгомъ. Пепи бросилась мнѣ въ объятія.

Мнѣ открыли великолѣпную комнату; но такъ какъ она не была убрана, я пошелъ пока къ „Элефанту“ пить кофе, и тамъ тоже меня приняли съ криками радости.

...Все пусто здѣсь; улицы въ 6 ч. утра были совсѣмъ пусты, и когда я сѣлъ пить кофе,—воробы, бѣдные, худые, голодные, пришли всѣ „пѣтушкомъ“, смотрѣть мнѣ прямо въ глаза...

Я пошелъ къ *m-me Bahden*, которой я все рассказала, и она пошла спросить великую княгиню, когда она хочетъ меня

принять, и меня сейчас же, тутъ же приняли, въ пальто, безъ всякихъ мундировъ.

Я все рассказалъ великой княгинѣ, и она сказала: „я подумаю“¹⁾; я буду у нея опять сегодня вечеромъ въ сюртукъ, а завтра я у нея обѣдаю...

Я уже готовъ былъ сбрить бороду, но это оказалось ненужнымъ.

Великая княгиня думаетъ, что разрѣшать представленіе *Иоанна* (Грознаго)...

151.

19 сентября.

Я открылъ, что настоящій генераль іезуитовъ—не „August“, но баронъ X..., съ которымъ я имѣлъ сегодня длинный споръ о соединеніи церквей... Способъ, который онъ употреблялъ, то уступая, то отступая, чтобы потомъ дальше прыгнуть, убѣдилъ меня въ истинѣ моихъ предположеній...

Я прочелъ великой княгинѣ 1-й актъ „Иоанна“, и потомъ я у нея обѣдалъ...

152.

Римъ, 30 декабря.

Какъ только я пріѣхалъ, я напился чаю и поѣхалъ въ коляскѣ—не осматривать самые дома, а мѣстность, въ которой они находятся.

Я тебѣ скажу совсѣмъ откровенно, что сегодня впечатлѣніе Рима не было благоприятнымъ: во-первыхъ, холодно и непріятно, къ тому же городъ почти не освѣщенъ, т.-е. одинъ Корсо освѣщенъ; остальные улицы освѣщаются лишь рѣдкими и дурными фонарями, и много улицъ и даже изъ главныхъ не имѣютъ совсѣмъ фонарей, такъ что отъ Санта-Маріа Мажіоре до св. Иоанна Латеранскаго и оттуда въ Колизей—что должно быть гораздо больше версты—я ѣхалъ въ совершенной темнотѣ; кучеръ сперва не хотѣлъ ѣхать, говоря:—*Sa troppo oscuro!*—Это уже слишкомъ похоже на Мглин!..

¹⁾ Дѣло идетъ о пенсіи К. П. Павловой.